Пролог

И нам не все равно, куда лететь ракетам,
И нам не все равно, где битва началась.
И верит молодым усталая планета.
Мы тоже советская власть.

Николай Добронравов

Планы на оставшийся день были грандиозными: прийти в себя после обеда, давящего любое шевеление плоти и духа, показать Антону из Новокузнецка, насколько он не мастер тенниса, — и желательно всухую, чтобы скрипело и морщилось все, а то Федерер, блин, нашелся, — при этом не сгореть, при этом оставить силы на море и вечерний променад с Элькой, у которой, как в «Простоквашине», еще три платья не надевано.

Всухую не получилось: перекидал я в себя сластей, а может, кто-то добренький сел на правое плечо и не дал поглумиться, ибо к чему совсем уж человека обижать. Ну, и играл Антоха лучше, чем я ожидал. Чего уж, впрочем, добра от добра искать. По-любому победа наша. И вискарь, на который мы подмазывали, тоже наш — вот что с ним только делать. И силы при нас остались — и на первый, разогревочный, подход к буйкам, и на второй — к яхте, выплясывающей в паре сотен метров. Пришла пора ныряния. Да так, что чуть навсегда со мной не осталась — или я с нею, в звонкой прохладе.

Ничто, как говорится, не предвещало. Элька мирно загорала живот, по поводу которого перестала наконец изводиться, Азамат, мелодично пыхтя, закапывался в тень, солнце было лютым, соседи — мирными, море шептало, на шепот из пальмовых рощиц выполз лузер Антон с дьюти-фришным пакетом.

Заслуженный приз великому ниспровергателю дутых шахтерских авторитетов, не иначе.

Ниспровергатель великодушно отсалютовал лузеру и мущинской походкой, почти не семеня на жареном песке, направился к пирсу.

Немедленно начались чудеса, к которым я за неделю уже привык. Средиземное море издевалось лично надо мной. Допустим, с утра штормило. Я, понятное дело, еще за завтраком примерял себя к пенным валам, в обнимочку падающим на серый от ударов пляж. Но едва я ступал с огибавшей детский бассейн бетонки на песок, море сползало в обморок и валялось там до вечера, будто рядом танкер с ворванью раскололся.

А теперь все наоборот: настил встретил меня толчком в ногу и гонгом по ветру. Я остановился и посмотрел вниз сквозь белесые доски. Вокруг свай кипело. Море волнуется — раз. Два и три были на подходе: от горизонта тельняшкой катились неровные полосы разной степени лохматости.

Сегодня, видать, раскололся не танкер с ворванью, а баржа с глубинными бомбами.

А я разве против? Отнюдь.

Я потихоньку начал разбегаться, прикидывая, что вон ту волну я пропущу, большая больно, а булькну как раз в проплешину за нею, вынырну в следующей проплешине, а потом прокачусь вон на том гребешке в паре метров от сваи.

Когда я догремел до середины загудевшего пирса, с берега прилетел знакомый свист: любимая жена кротко взывала к сиятельному мужу. Жуткое дело, между прочим. Элька, хоть и кормящая мать, мелкая и точеная, будто нэцке из щепочки, а как два пальца в рот сунет, у слушателя полное ощущение, что ему кто-то спицей вязальной через ухо гипофиз поправляет. Лично мою спицу затупила музыка волн и ветра. Но я отвлекся, оглянулся на лету, понял, чего родная хочет, задумался — да тут и ухнул. В ту самую больно большую.

Она приняла меня холодной подмышкой, аккуратно перевернула, и тут же в голове вспыхнуло — под легкий костяной стук. Мозг занемел, как десна от новокаина, и холодно выдал образ сваи. Сдвинулась она, что ли. Если да, то сейчас меня досками засыпет, а доски с гвоздями, ржавыми, девятидюймовыми, проткнут насквозь, а мне до тридцати трех еще жить и жить, и Элька на берегу, и Азамат — за мать, за отца, не ответчик, вниз, вниз… Тут мозг отжал пульсирующую подкорку, я спохватился, подергался, нащупал верх и штопором полез туда. Воздух кончался, в голову било, как в колокол, вместо серой мути перед глазами мелькнуло зеркало, я разнес его макушкой, хапнул воздуха, получил ведро бешеных брызг в нос, судорожно чихнул-кашлянул горьким и погреб к берегу, запоздало думая о том, как все могло весело получиться — а ведь еще два дня отпуска оставалось, куча евро, зато на доставке тела можно сэкономить, это страховая компания на себя взяла, лишь бы Элька не догадалась, перепугается, балда, да нет, вроде не заметила, вон заливается, сквозь хардкор в голове слышно, все, дно. Иди ровно, отдышись на ходу, вдо-ох-выдох, глубоко, вдо-ох, не шатайся, макушку как бы вытри — нормально, рассечения нет и шишак не слишком крупным будет, что значит сразу холод приложить, так, на лицо небрежность и сдержанную досаду — искупаться не дают, гады. С голосом осторожнее, чтобы не плыл. Нормально. Все, живем.

Пространства вокруг наших топчанов заметно прибавилось — а на песке нарисовалось солнышко с короткими лучиками. Это соседи, настигнутые соловьиной рощей, в полубессознательном состоянии двигали свои лежаки прочь от источника безобразий. Явно плохо учились в школе, раз пытались перекрыть скорость звука. И явно не знали силу духа восточноевропейской красавицы, коли надеялись, что кислые рожи и укоризненные взгляды могут сбить ее с пути к горящему коню или скачущей избе. Немцы, что с них взять.

Несколько турецких ребят, обслуживавших пляж, оказались мудрее — они просто слегка пригнулись и закаменели

неправильно растянутыми лицами. Смешно вышло, даже я оценил. А Азаматулла, всосав губы, с восторгом смотрел на мать и колотил кулаками по песку, требуя продолжения концерта.

Но красавице моей было не до продолжения и не до смеха. Она с тревожным видом протянула мне телефон. Ну елы-палы, подумал я, совсем оклемавшись. Договаривались же. Со всеми договаривались — не дергать, пока я раз в жизни спокойно. С Элькой договаривались — не служить передаточным звеном, ежели дергания все-таки случаются. Ну что такое.

Говорить я ничего не стал, толку-то. Взял трубку, подал голос. Мельком подумал, что никогда уже не привыкну к этому увечному антиквариату, который занимает руки, невнятно орет в ухо, перевирая все на свете, не понимает по-человечески, сдыхает без предупреждения, да еще норовит удрать на волну самого дорогого оператора. По большому счету лично мне это фиолетово, трубу исполком оплачивает — но экономика должна быть. Особенно теперь.

Тут же стало не до того.

В трубке, как муха в стакане, бесновался Баранов.

Правда, на вводные конструкции он тратиться не стал, пролаял что-то невнятное и уступил мембрану Рычеву. Рычев говорил размеренно — но я-то слышал, что на хорошем психе:

— …Всем, кто давал присягу Советскому Союзу. Всем, кто родился в СССР. Всем, кто был пионером. Всем, кто любит настоящую Родину, ясную звезду и чистое солнце над мирной планетой, а не полосатых кур-мутантов о двух головах. Всем, кто меня слышит. Я, Максим Рычев, глава Союза Советов, говорю: наш Союз не сдается. Наш Союз жив и прекрасен. Мы обрели свою подлинную Родину и готовы защищать ее до края. Мы готовы ко всему. Но мы ждем помощи от вас, друзья. От тех, для кого советский…

— Слава! Баранов, твою мать! — заорал я, не обращая внимания на подпрыгнувших фрицев.

Баранов наконец-то включился и сам заорал:

— Ты понял, что это такое?! Ты вообще видишь, во что он нас!..

— Слава, это что? Ящик?

— Да какой на фиг ящик, откуда? Он куда мог ролик залил и крутит шарманку по кругу. Совсеть — вся, сайты — все, дальноволновки и эфэмы — до которых дотянулся.

— А сам где? В Союзе хоть?

— А я знаю? Я сам из Тюмени только еду!

— Я понял. Ладно, Слава, короче…

— Чего ладно-то? Что делать-то? Чего мне делать, скажи?

— Баранов, ты где родился? В СССР? Вот флаг тебе…

— Да пошел ты, — обиделся Баранов и выскочил из трубки.

Я положил телефон на колено задравшей голову Эльке и аккуратно сказал:

— *Tuğan ildän tuyğan yuq**.

— Что такое? — спросила Элька.

— Да ничего. Домой ехать надо.

— Мы с тобой, — быстро сказала она.

— Эль, держи себя в руках. Еще два дня.

Элька замотала головой.

— Эль, щас обратный рейс искать, в чартер вписываться — гимор тот еще. Одному легче будет, чем троим. Потом, денег сколько потеряем. Давай хоть ты…

— Хорош глупости говорить, — сказала Эльмира.

— Дура ты упрямая, — буркнул я и посмотрел на море. Потом посмотрел на пляж. Потом посмотрел на гостиницу. И понял, что, может, проблем с организацией обратного рейса будет меньше, чем представлялось.

Граждане отдыхающие поделились на три части. Большая, представленная немцами, итальянцами и хохлами, безмятежно вялила окорока и животы. Средняя, в основном соотечественники не нашего извода, стары-млады-московиты, со светлым

---

* Нет насыщенья Родиной (*тат.*).

недоумением наблюдала за вихорьками суеты. Потому что меньшая, идентифицируемая как россияне зауральского типа, либо говорила по мобилам, либо спешно собирала вещи. Антон так и вовсе почти исчез в пышном кустарнике, окружавшем отель. Пакет безвольно болтал верхом на кромке бетонной дорожки — очевидно, на радость первому же любопытному хохлу.

— Тогда собираемся, — сказал я Эле и принялся закидывать на плечи полотенца. — Раз пошла такая пьянка, можем и не вписаться…

Элька подхватила Азамата, тут же усадила его обратно — парень только хихикнул, — молча распихала кремы, очки и книги по пакетам, потянулась за сыном, я отобрал, и мы устремились. На полпути к отелю Эльмира не выдержала:

— Что случилось-то, скажи.

— *Iñ zur sağış — watan suğışı**, — рассеянно объяснил я, соображая, куда лететь и как добираться до Союза.

Эльмира аж остановилась:

— С кем?

— С антисоветчиками, — хихикнул я.

— Я серьезно.

— Датка, ну с кем Союз может воевать? Да со всеми, конечно. Кольцо врагов, все дела. Классика.

— И что делать?

— Жить стоя. Или умереть на коленях.

— Не наоборот?

— Дома проверим. Блин, ведь первый отпуск…

Дожить бы до следующего, подумал я и даже не одернул себя. Глупо было строить столь затяжные планы. Надо было думать, как добираться до Родины.

И как ее, эту дуру неправдоподобную, спасать.

---

* Огромная кручина — отечественная война (*тат.*).

Глава 1. Краткий курс

1

Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.

Александр Пушкин

Есть такой древний анекдот: мужик жалуется приятелю, что досадную оговорку утром допустил: хотел сказать жене: «Милая, налей еще кофе, пожалуйста», а сказал: «Всю жизнь ты мне, жаба, испортила».

Я его когда Эльке рассказал, она страшно обрадовалась и с тех пор раз примерно в месяц — то когда ссориться собираемся, то вовсе без повода — осведомляется, не налить ли мне кофе (которого я не пью, потому что гадость это жженая и вонючая). Ну, то Элька, кто от нее чего еще ждал.

Рычев, наоборот, среагировал как правильная жена. Когда народ отсмеялся (дело было на каком-то корпоративном отмечалове, все были изнеможены, веселы и умирали над любым вытянутым пальцем), Рычев предложил выпить за правильные ответы, а потом, через полчаса уже, плюхнулся на соседний стул и спросил:

— А что, Алик, часто жалеешь, что со мной связался?

— Ах, МакСаныч, оставьте этих страшных вопросов, — предложил я, благожелательно наблюдая за коллективным угаром и развратом.

— А если серьезно? Ты не беспокойся, я пойму.

Я вздохнул, повернулся к нему, несколько секунд соображал, потом сказал:

— Максим Александрович, во-первых, нет. Во-вторых, вы почему меня так усердно сватали? Если правду говорили, то как раз за то, что я как бы что-то соображаю и могу оценить, что хорошо, а что нет. И раз вы меня не выгнали, значит, эта способность пока не отсохла. А в-третьих, себе вы, наверно, не меньше верите, и тут тоже вряд ли что изменилось. Помните, когда первый — ну, второй — у нас разговор был, вы сказали, что я не пожалею? Вы же не обманули? Ну и вот.

Рычев подумал, коротко кивнул и сказал:

— Спасибо, Алик.

— Да ладно. Правду говорить…

Я познакомился с Рычевым на пятом курсе, когда все уже для себя решил. Диплом был вчерне написан в октябре, Курчанский, мой научный руководитель, убедил всю кафедру, что это готовая кандидатская, а я — краса, надежда и светлое будущее кафедры, если не факультета. Умнец, красавец и просто спортсмен.

Спорт меня и сгубил. Ну, как сгубил — негаданно, от двух бортов, сбил с пути, которым я шел и который, кстати, не слишком совпадал с траекторией, прочерченной Курчанским, уже натаскивавшим меня на сдачу кандидатского минимума. Сбил на другой. Основной. Или как его трактовать (и можно ли вообще трактовать тракты)? На текущий, в общем.

Мой сенсей решил податься в депутаты. Не знаю, преподавательская ли лямка ключицу натерла, наехал ли невесть кто невесть как (время было такое, модно было наезжать на людей с третьим даном, волосатой рукой или иной особенностью, призванной вообще-то отпугивать недоброжелателей), позавидовал ли кому попросту. В общем, как-то вечерком в нашей общаге появилось объявление: в двадцать один ноль-ноль в актовом зале обладатель третьего дана кекусинкай-каратэ К. Н. Сучков проводит лекцию «Современные боевые искусства» с демонстрацией

уникальных видеоматериалов. По завершении — дискотека. Вход свободный.

Ладно хоть видео, а не слайдов, с досадой подумал я.

Поначалу я решил, что Константин Николаевич решил вторую группу набрать для ученика какого-нибудь и, как положено учителю, в качестве подманки выставил собственную персону. Другого смысла в проведении пропагандистской акции я не обнаруживал.

Смысл оказался ничтожным. Неизвестный молодой человек с невероятно противной эспаньолкой патетично представил сенсея. Константин Николаевич, надо отдать ему должное, откровенно покривился, за пятнадцать минут объяснил, что такое боевые искусства, какое место в них занимает каратэ и в какой складке материнского учения таится кекусин. Показал слайды, виноват, видеоматериалы — нарезку прошлогоднего чемпионата мира в Осаке. Исходники я видел, потому компилятору оторвал бы руки. Неизвестный уродец сократил пару очень эффектных схваток, зато оставил кучу остановок поединков — на консультации с боковыми судьями, на подвязывание поясов и так далее.

К счастью, сенсей во время пауз рассказывал, какое боевое применение в реальных условиях может найти продемонстрированная сейчас техника. Рассказывал неплохо, хоть и бледновато. Слушали, по крайней мере, внимательно. В основном-то пареньки с первого-второго курсов собрались — кому еще каратэ в одном флаконе с дискотекой интересно. Кое-кто даже вопросы задавал. Константин Николаевич ответил на все, выжидающе помолчал, потом оглянулся на эспаньолку.

Я почувствовал, что сейчас остро пожалею о том, что пришел куда совсем не звали. Предчувствие не обмануло.

Эспаньолко сообщило:

— Дорогие друзья. На этом очень интересная лекция о таинственном и многогранном мире восточных боевых искусств окончена. Давайте поблагодарим Константина Николаевича,

который приготовил нам такой приятный подарок. Через несколько минут в этом зале начнется дискотека. А все желающие поблагодарить уважаемого мастера за интересный рассказ смогут вон в том углу, где, видите, уже установлен стол, поставить свои подписи в списке членов инициативной группы по выдвижению Сучкова Константина Николаевича в депутаты гордумы. Надеюсь, свои паспортные данные все помнят?

— Оба-це, — громко сказал кто-то. — В члены попали.

Эспаньолка укоризненно развел руками. Сенсей быстро осмотрел публику и уставился в пол. Сил моих терпеть это не было. Я спрыгнул с подоконника и пошел к столу. Поставил подпись и ушел в комнату.

В принципе, зря переживал: дальше все было менее позорно. Ребята рассказали, что эспаньолка честно завел шарманку и напоминал о себе только нечастыми кличами: «Все желающие подписались? Спасибо за поддержку!» Примерно через час он включился последний раз, сообщил, что, к сожалению, нужного числа подписей собрать не удалось, так что мировая революция, как говорится, отменяется — а теперь дискотека.

Тут, рассказывал второкурсник Виталя, я даже усовестился, что подпись не поставил. Тем более что каратила этот не сразу свернулся, а еще минут сорок дал нам отдохнуть. Неплохой, в общем, мужик оказался. А мы его прокинули, сказал Виталя и перешел к повествованию о приключенческих проводах одной там кудрявенькой.

На следующее утро я вместо лекций отправился в школу бизнеса, где сенсей в свободное от тренировок и яркой политической жизни время учил будущих манагеров японскому. Я дождался конца лекции, подошел к сенсею и без обиняков сказал ему, что есть два варианта ведения кампаний. Первый позволяет растратить — или отмыть, это кому как

нравится, — любое количество денег при совершенно произвольном результате. Второй не гарантирует ничего, кроме одного: стыдно за себя не будет. Константин Николаевич, я готов помочь вам со вторым вариантом. Я очень хочу вам помочь. Хорошо, помолчав, сказал сенсей. Спасибо, Алик. Тогда, Константин Николаевич, выгоните этого деятеля с бородой. Да это племянник мой, Олежка, — тоже помочь вызвался. Я слегка смутился, но не отступил: пусть деньгами или там советами помогает. Эспаньолки не канают, понты тем более.

Выборы мы проиграли. Стыдно не было ни мне, ни сенсею. Никому из команды. Мы на голом энтузиазме и полутора рублях сколотили вполне конкурентоспособную команду, без шороха прошли весь документарный цикл — это уже мои навыки пригодились, — отразили несколько наскоков конкурентов — ну, это как два пальца, я вообще предлагал их пиарщикам премию выписать. Да чего там говорить — мы вторыми к финишу пришли. Это из восьми кандидатов, между прочим. С двукратным отставанием от победителя, правда. Но к чему упираться в детали?

Я на отвальной так и сказал сенсею: Константин Николаевич, следующие выборы мы возьмем. Лиха беда начало, опыт есть, ресурсы подтянутся — вы засветились, люди уже интересуются, вкладывать хотят… Сенсей руки поднял и сказал: Алик, родной, спасибо. С меня хватит. Ребята… Ребята, два слова скажу. Ямэ! — рявкнул я. Ребята, вы красавцы, сказал сенсей, подняв пузырящийся пластмассовый стакан. Вы сделали куда больше, чем я, — и вы меня чуть было совсем другим существом не сделали. Я счастлив, что у меня такие друзья. Я счастлив, что я не проскочил в это кресло. Было бы кошмарно победить ровно в тот момент, когда понял, что ненавидишь итоги победы и вообще класс победителей. Ребята, мне сорок три года, и я только сейчас, когда сам прошел сквозь мясорубку, понял, что все эти люди — все, кто из мясорубки выбрался, — это люди с большой язвой в голове. Вот здесь — он постучал

по лбу. За глазами, за ушами. И эту язву они наработали и туда подсадили добровольно, старательно. Выбрали, одно слово… В общем, теперь я скорее монархист, чем демократ. А поскольку происхожу не из графьев, а из потомственных крепостных, надежды на процветание в милом мне направлении не имею. Так что с политикой покончено. За это и выпьем. Ура.

Ура, рявкнули мы, выпили и разошлись, пообещав созваниваться и в гости ходить.

Не созванивались, конечно.

А гость пришел. С помпой.

Завкаф прискакал на лекцию по семейному праву, пока мы не успели разбежаться, и сообщил, что в пятнадцать ноль-ноль просит пять человек — он назвал фамилии, в том числе мою, — подойти на кафедру. «А что такое?» — возмущенно вскричали перечисленные. «Это в ваших интересах», — сообщил Андреич, улыбнулся, как Оле-Лукойе, и скрылся.

Ни классической формулировки, ни такой же улыбки мы не боялись со второго курса, но были тем не менее заинтригованы. На кафедру, ясное дело, явились.

Завкаф встретил нас лично, проводил в свой кабинет. Там, за гостевым столом, сидел серьезный, как всегда, Рычев.

Я шел последним и имел шанс незаметно смыться или громко покачать права. Но чуть растерялся — да и обстановка не слишком располагала. Я запнулся на пороге, секунду помедлил и повиновался мягкому завкафовскому подпихиванию в локоть.

Раскидав нас по принесенным с кафедры сиденьям и убедившись, что чаю решительно никто не хочет, завкаф сообщил:

— Позвольте вам представить — Максим Александрович Рычев, заместитель генерального директора концерна «Проммаш». Максим Александрович, это вот наши лучшие пятикурсники.

Лучшие пятикурсники, я заметил краем глаза, коротко переглянулись и подавили смешки. Почти каждого из нас Андреич в последние год-два характеризовал принципиально иными

выражениями. Ленка Казакова вдумчиво стреляла глазками. Я не переглядывался, не хихикал и не стрелял. Я рассматривал Максима Александровича Рычева, большого человека, заместителя гендира оборонно-нефтяного мегаконцерна и депутата гордумы по нашему округу.

Рычев некоторое время меня не замечал, потом таки зафиксировал контакт, выждал пару секунд и серьезно кивнул. Стало неловко.

Завкаф тем временем закончил гимн нашим достоинствам и рычевским преимуществам, предложил уважаемому гостю самому все объяснить и упорхнул за свой стол.

Рычев, кивнув, весомо — в своей манере, так подкупавшей избирателя, — поблагодарил нас за то, что откликнулись на просьбу о встрече (никто не стал уточнять, что просьбы особо не было), отметил, что эта отзывчивость тем ценнее, что он, Рычев, в отличие от многих, понимает, какую нагрузку тянет студент, особенно на выпускном курсе. Я понимаю, что вы завершаете работу над дипломами. И это не дежурные сборники рефератов из интернета, а серьезные работы с солидным потенциалом — так меня заверили знающие люди (кивок в сторону завкафа, встречный любезный кивок, всеобщая благостность и взаимное удовлетворение). Я знаю, что многие из вас умудряются вести практическую работу — кто-то в рамках выбранной специальности, кто-то за ее пределами — и добиваются впечатляющих результатов (игнорирование моего сектора, мои встречные холодность и сдержанность). Я догадываюсь, что каждый из вас уже выбрал место своей работы по окончании университета. И если не у каждого, то у большинства имеется полуофициальный… (А то и официальный, ляпнул Аркашка Ткач, которому по данному вопросу лучше было бы отмолчаться, но этого делать он не умел.) …А то и официальный предварительный контракт.

Тем не менее я пришел сюда, чтобы обратить ваше внимание на новое предложение. Мое предложение. Я понимаю,

что демонстрирую, возможно, излишнюю самонадеянность и уж точно — опаздываю против возможных конкурентов (внимательный взгляд на Ткача, тот мужественно молчит — правда, для этого ему приходится с силой упереться челюстью в ладонь, а локтем — в колено). Меня, я надеюсь, извиняют два обстоятельства. Во-первых, репутация концерна, который я представляю. Я полагаю, с моей стороны не будет самонадеянным утверждать, что предложение о сотрудничестве, исходящее от «Проммаша», не зазорно рассмотреть любому здравомыслящему человеку, кем бы он ни был. Я думаю, это совсем не спорный вопрос.

Никто и не спорил.

Во-вторых, именно сейчас наш концерн готовится к расширению и диверсификации своей деятельности. На новых участках понадобятся новые люди — в том числе и в первую очередь специалисты по гражданскому, предпринимательскому и международному частному праву. Поэтому я попросил Георгия Андреевича познакомить меня с лучшими, как уже было отмечено, представителями как раз вашей группы.

Ребята зашевелились, в основном вешая на лица кривые ухмылки, которые должны были обозначить профессиональный цинизм и показать Рычеву, что он действительно имеет дело не с сопляками какими неумелыми, а с прожженными акулами юриспруденции, умеющими отличить грубую лесть от тонкой и обе эти разновидности вывернуть сетью, каковая будет наброшена на собеседника и позволит его обездвижить, сварить и выесть в нем самые вкусные места. Но я-то видел — купил их Рычев, со всеми их багровеющими дипломами, недописанными кандидатскими и нежными потрохами. И меня бы купил, кабы я, подобно Валентину Мизандари в изложении Рубена Хачикяна, не испытывал такую сильную личную неприязнь к потерпевшему. Впрочем, потерпевшим Рычев никак не был. Но и я не был Мимино, способным мертво молчать, гордо отворачивая горбатый нос от надвигавшейся судьбы. Я, напротив,

собирался встать, сказать, что очень польщен и все такое, но, к сожалению, полностью ангажирован и вообще дурак — так что сам, начальник, подбирай колер и сам крась, а меня нету.

Я уже вставать начал, когда Рычев опять поймал мой взгляд — к чему я совсем не стремился. И не то чтобы он умоляюще посмотрел на меня. Или понимающе. Или там снисходительно. Но как-то посмотрел — так, что я сел, решив потерпеть еще немного. Как бы для того, чтобы не расстраивать завкафа — хороший он старик, если честно-то. Но слушать я не нанимался. И любезничать тоже.

Вот и не слушал — как Рычев обстоятельно, делая пометки в блокноте, знакомился с лучшими представителями, а те либо распускали хвост букетом стоевровых бумажек, либо, напротив, ударялись в словесно-мимическую аскезу. Например, Ткач и, например, Казакова дали образцовую студенческую пару из китайского научпопфильма времен культурной революции. Вдумчиво так отвечали. Взвешенно. Солидно. Ленка даже от вопросов воздержалась.

Завкаф откровенно сиял.

Свою модель поведения я никак собрать не мог. Хамить было глупо, беседовать — противно. Что делать — личная неприязнь. Ладно, решил я, дойдет до меня очередь — решим.

Очередь не дошла. На втором получасе встречи, когда накопившуюся в кабинете завкафа атмосферу можно было бутылировать и продавать Совбезу ООН в качестве стимулятора каких-нибудь палестино-израильских переговоров, Рычев, уточнив у Леши Устымчика, действительно ли тот не хочет связывать судьбу с юруправлением Совета Федерации, в котором проходил стажировку полгода назад, посмотрел на часы и все в той же засушенной манере сообщил, что, дорогие коллеги, я, оказывается, отобрал у вас уже много времени. Я очень вам благодарен и надеюсь, что в течение недели-двух вы сформируете свое отношение к возможному сотрудничеству с «Проммашем». Двадцать восьмого я еще раз подъеду, по ходу мы

определимся, будет ли это встреча в том же кругу или отдельные беседы. Тогда же, очевидно, я смогу сказать что-то более определенное относительно нашего предложения. Пока, вы заметили, речь идет только о знакомстве. Надеюсь, оно получилось взаимоприятным. Всего вам доброго.

Я встал вместе со всеми, ощущая острое недоумение, быстро возгонявшееся в раздражение. Карлсон что, хуже щенка? Это что, такая тонкая месть Рычева за мои левые взгляды?

Озвучить свой вопрос я не успел. Рычев сказал:

— Алик, мы только с вами не успели познакомиться. А мне бы этого очень хотелось. Вы куда после занятий собирались? Ничего, если бы я вас довез, а по дороге мы бы смогли поговорить?

Лучшие представители застыли в дверях. Ткач сказал «вау».

— Спасибо вам огромное, Максим Александрович, мне на метро удобнее, — сказал я.

Раздражение, между прочим, сразу улеглось — слаб все-таки человек и непоследователен.

— Жаль, — сказал Рычев. — Ну что ж, всего вам доброго.

— Дурак ты, Камалов, — сказала Казакова вполголоса и вышла.

Я направился к двери, кивнув в сторону, в которой Рычев паковал дорогой портфель, а Андреич растерянно водил взглядом по студентам и гостю. Сразу выйти мне не удалось: в двери задержался Аркашка. Вместо того чтобы посторониться, он попытался постучать мне костяшками пальцев по макушке. Я уклонился и едва не дал ему по ребрам. Замешкался, давя святой порыв, и позволил завкафу собраться с мыслями.

— Алик, — сказал он. — Максим Александрович вас чем-нибудь обидел?

Я развернулся, открыл рот, закрыл его, подумал и нехотя сказал:

— Ну, этого я не могу сказать.

— Но тогда… Ткач, у вас есть вопросы?

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru